

Жил-был художник. Один

Комсомолецская улица. — 1997. — 16 апр. — с. 4 (прилож.)

Символ продуктивности — французский график Густав Доре — избрал себе лозунг «Я проиллюстрирую всё!».

Похоже, всё проиллюстрировать в нашей столице взялся и Зураб Церетели

Он иллюстрирует быстро, напористо и бесцеремонно. Я неоднократно встречалась с ним на многочисленных стройках Москвы и, как говорится, видела его «у станка». И столько же раз возникало ощущение: быть бы ему министром! Любую самую безнадежную отрасль поднял бы. Но Зураб Константинович Церетели — художник и скульптор-монументалист, как он себя считает.

Сегодня только ленивый не бросил камень в огород Церетели. Особой «популярностью» пользуется монумент Петра Великого у кондитерской фабрики «Красный Октябрь». Хотя и велик Петр, но еще не Бог, а поэтому обсуждать достоинства и недостатки этой скульптуры — нормальное явление. Большой памятник или маленький? Кривые у царя ноги или прямые? И чья вообще у него голова на месте головы — Петра I или Колумба? Когда в нашей печати появились статьи о том, что голову якобы подменили, из США прилетела комиссия из трех человек, в которую вошел сам брат Хиллари Клинтон. Убедившись, что Петр и Колумб совершенно разные, американцы, удовлетворенные, удалились. Быть Петру в Москве, а Колумбу в Балтиморе. Впрочем, быть или не быть Петру — вопрос остается открытым. Но я не о Петре, о нем все известно, и все с ним понятно. Непонятно с Церетели.

Он не любит себя хвалить. «Да что мне себя хвалить или представлять? — говорит он. — Произведения мои по всему миру разошлись. Я Посол Доброй воли». Он действительно Посол, есть такое звание. Рассказывают, он чуть не стал однажды лауреатом Нобелевской премии. Но Леонид Ильич Брежнев возмутился: как же — он сам еще не лауреат... Впрочем, это не испортило настроения постоянно улыбающегося Зураба Церетели.

Говорят, мастерская художника — это автопортрет. Что же это за феномен по имени Зураб? Я отправилась в его мастерскую.

Угадайте с трех раз, где может жить большой грузинский художник: на Тверской, Осенней или Большой Грузинской? Правильно, Церетели, по счастливой случайности, оказался владельцем прекрасного особняка (бывшее немецкое посольство) в тихом районе на Красной Пресне, на Большой Грузинской улице. Дом как дом. За довольно высоким забором, но без особой охраны и вывески. Хотя уже сегодня она могла бы появиться — «Дом-музей Зураба Церетели».

Дворик восточный, закрытый со всех сторон. За ним стандартные коробки многоэтажек. Здесь же, в музее под открытым небом, иная жизнь, иной мир неумной фантазии. Отдельные композиции можно разглядывать часами. Что-то абстрактное, и рядом классические скульптуры русских царей: 46 бюстов расположились сразу у входа. Миниатюрный Петр I не такое чудовище, каким он кажется на Крымской набережной. Чеканка, литье, эмаль, мозаика... И почему Церетели возомнил себя монументалистом? Миниатюра, камерное искусство удаются ему гораздо лучше.

Дальше — мастерские художника и, если так можно выразиться, запасники музея. Он пишет свои живописные произведения и тут же их складывает. Ни одно из своих живописных полотен художник не продал. Картины в дорогах, добротных рамах стоят одна к одной. Обсуждать, что и как изображено на них, не стану, пусть это сделают специалисты-искусствоведы, меня интересует другое — характер человека. Назвать обстановку в мастерских (комнат несколько) художественным беспорядком нельзя, хотя повсюду как бы разбросаны рамы, мольберты, краски, кисти. Скорее это художественный идеальный порядок. Каждая кисть знает свое место.

Из двора вас ведут в особняк. Такой маршрут для всех: от королей, принцев и президентов до самых вредных журналов.

И вот здесь кажется, что искусство просто сваливается на голову, оглушает. Уникальность самого здания, с красивыми деревянными витыми лестницами и великолепными витражами,

уходит куда-то на пятый план. Вы ощущаете себя на красочном, ярком восточном базаре. Ни одного свободного сантиметра на стенах, картинах — с пола до потолка — вдоль всех лестниц, коридоров и коридорчиков, в комнатах (а их несколько десятков). В кабинетах и залах для приема — кожаная мебель, в гостиной — большой овальный обеденный стол с серебряной посудой. Навстречу из комнаты в комнату ходят какие-то люди, здороваются с хозяином дома. Это все-таки дом художника, а не музей. Здесь он спит, ест, купается. Справляться с бытом ему помогают грузинские родственники и друзья.

В круговерти его картин запомнить что-либо невозможно. Определить направление творчества, стиль... Если для себя, для внутреннего пользования, назвала бы некоторые из них выполненными «а-ля Пиромани», другие — «а-ля

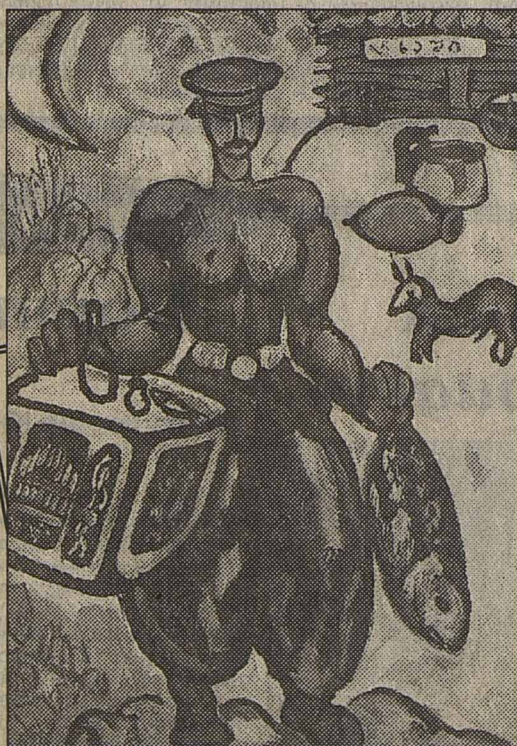
вае, прямо выдавливают их из тюбиков на полотно. А потому рисунок кажется выпуклым и даже объемным. Он рисует все, что попадает под руки. Попались башмаки или бутылка — все идет в дело. Вот они уже на полотне. На одной из стен — серия картин довольно больших размеров. Изображены люди — с юмором, несколько утрировано. Борис Ельцин, попав однажды в эту комнату, долго разглядывал «простых людей» (один из изображенных — дворник). «А это кто?» — спросил президент, показывая на двух шушукующихся мужчин. «А это кремлевские сплетники», — ответили ему. «Я их узнаю», — сказал Ельцин. Мне тоже эти лица показались знакомыми...

А еще я увидела в доме огромный макет будущего московского Диснейленда. Он занимает полкомнаты. Дело с Диснейлендом продвигается очень медленно — нет денег на его строительство, за последние 10 лет на отведенном участке в Крылатском сумели только укрепить берег реки. Хотя идея построить Диснейленд в Москве пришла в голову еще Людмиле Хрущевой. Разобидевшись на то, что американцы не пустили его в свой Диснейленд (мол, руки в крови), Никита Сергеевич в пику решил построить такой же, но пришлось срочно сеять кукуру... И вот до сих пор идея витает в воздухе. Зураб Церетели уже воплотил ее, пока в макете. И ждет.

Впрочем, ждать — не его манера. Ждать, стоять и обещать не любит. Человек без определенного возраста, с неумной энергией и фантазией, порой бьющей через край, умеющий разговаривать со всеми, умеющий убеждать, зажигать и вдохновлять, — это делает его другом всех людей и народов. Отсюда — от характера — и победы во всех творческих конкурсах, и всемирные заказы. Если объединить и сказать коротко — доброжелательная аура.

Прощаясь с Церетели на пороге дома, я увидела самое замечательное произведение художника — такую же улыбку, как отец, дочь Елену. Она заходит к нему. Когда же ее нет, он остается в доме один. Один на один со своими образами.

Татьяна ЦЫБА.

Клод Мане». Я не видела, как работает Церетели, но мне кажется, что он непременно размахивает кистью, краски не смеши-

